

испытывает трудности с концентрацией и распределением внимания, очень утомляем, имеет сниженную мотивацию и неустойчивый эмоциональный фон. Перечислим некоторые «хитрости», которые может использовать учитель на уроках:

- проверять работу такого ученика ручкой другого цвета (метод «зеленых чернил»);

- разрешить в некоторых случаях начать выполнять работу простым карандашом, чтобы после проверки учителя у ребенка была возможность исправить ошибку;

- использовать на уроках различные опорные схемы;

- исключить соревновательные моменты и работу на время;

- дифференцировать задания по степени сложности.

Психологами доказано, что знания, усвоенные без интереса, не окрашенные собственным положительным отношением, эмоциями, не становятся полезными – это мертвый груз.

Ученик на уроках пишет, читает, отвечает на вопросы, но эта работа не вызывает интереса. Он пассивен, а пассивное восприятие не может быть основой прочных знаний. Занимательность может быть задана неожиданной для учащихся постановкой или формулировкой вопроса, созданием проблемной ситуации, необычной формой проведения урока. Всегда можно отыскать что-то интересное и увлекательное в жизни, а тем более в русском языке. Это позволит добиться устойчивого внимания и поддержания интереса на протяжении всего урока.

Список использованной литературы

1. Ануфриев, А. Ф. Как преодолеть трудности в обучении детей / А. Ф. Ануфриев, С. Н. Костромина. – М. : Ось-89, 2005. – 229 с.

2. Барташникова, И. А. Учись играя: Игры и тесты для детей 5–7 лет / И. А. Барташникова, А. А. Барташников. – Харьков : Фолио, 1997. – 96 с.

В. И. СЕНКЕВИЧ

Брест, УО «БрГУ имени А. С. Пушкина»

ЛИНГВОЭТОЛОГИЯ. ФЕНОМЕН (НЕ)ВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Феноменологический подход к языку делает доступным для языкознания воплощенный в языке опыт человеческого поведения. Дисциплина, изучающая поведение живых существ, в том числе и человека, называется *этологией* (от греч. *ethos* ‘привычка, характер, душевный склад, манера вести себя’ и *logos* ‘учение’). Термин ввел в обиход в 1859 г. французский

зоолог Изидор Жоффруа Сент-Илер. В XVIII в. этология была равнозначна этике. Философ Джон Стюарт Милль в своем труде «Система логики» (*A System of Logic*) назвал этологией предложенный им раздел психологии, изучающий человеческий характер. Этологом называли артиста, изображающего человеческие характеры. Изучение феномена поведения проливает свет на сущность самого человека и его «жизненного» мира» (Л. Ландгребе, В. Биммель, Г. Бранд, Э. Штрекер, И. Керн, Б. Вальденфельс, П. Янсен, А. Пажанин, К. Шуман, А. Шюц и др.). «Жизненный мир повседневности есть особая реальность, свойственная лишь человеку» [1, с. 154]. Этот мир как бы сам себя утверждает и не требует дополнительных обоснований. Он предстает как «не подлежащая сомнению основа естественного мировоззрения», воспринимается исходя из «естественной установки» как нечто само собой разумеющееся, не требующее доказательств. Это мир «жизнепрактических смыслов, обладающих непосредственной очевидностью». Его характеристики – непроблематичность, целостность, изначальная неструктурированность, анонимность [1, с. 23].

Учение о поведении человека исходит из посылок, выработанных в ходе знакомства с поведением в животном мире, и находится в тесной связи с гуманитарными дисциплинами, прежде всего с психологией, языкознанием и литературоведением. Как и в случае с животными, этология человека изучает поведение индивидов в естественной среде. Такой средой для человека оказывается повседневность. «Повседневностью мы называем все, что переживаем как очевидное и несомненное». <...> Человек, который выходит за пределы повседневности, фактически никогда не преодолевает ее границы. До поры до времени эта реальность оказывается для человека непроблематичной» [2, с. 23].

Этологический аспект языка – необычайно важная и до сегодняшнего дня не изученная область языкознания. *Лингвоэтология* – языковедческая дисциплина, изучающая вербализацию поведения человека в языке, поведенческие мотивы, место в поведении (не)вербальных инструментов. Знакомство этологов с разными аспектами невербального поведения животных послужило поводом для изучения невербалики поведения человека. По сути, язык поведения человека схож с языком животных – феноменом «говорящих» звуков, запахов, телесных узоров, произвольных движений. Однако в нем присутствуют сугубо человеческие и очеловеченные такие невербальные элементы, как, например, улыбка, взгляд, мимика лица и др.

Вербальное поведения человека – *говорение*. Человек поступает словом. М. Бахтин связывает поступок с представлением о тотальном поступательном поведении человека: «Каждая мысль моя есть мой индивидуально-ответственный поступок, один из поступков, из которых

складывается вся моя единственная жизнь как сплошное “поступление”; вся моя жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок; я поступаю всей своей жизнью, каждое устремление и переживание есть мгновение моей жизни-поступления. Я поступаю словом, мыслью, чувством; я живу, я становлюсь поступком» [3, с. 23].

В поле зрения лингвоэтологии попадают мотивы и модели (не)вербального поведения не только конкретного человека, но целых социальных слоев – детей, мужчин, женщин, молодежи, этнических групп и т. д. Идиолект каждого человека и разных референтных групп – малоизученная и неразработанная область лингвистических исследований. Всякое поведение мотивировано прежде всего характером человека и не определяется внешними по отношению к нему целями и его волей. Несомненно, что только в этой области присутствует то, что находится вне кодифицированного языка и характеризует каждого человека, а также автономные социальные и этнические группы.

Язык поведения – в принципе *другой* язык, не такой, как обычный язык коммуникации. Это язык индивидуального и социального *опыта*, где существующие в знаковой форме знания (понятия, представления) оказываются нерелевантными. В нем человек не носитель культурной информации (знаний, идей, правил и т. п.) и не рациональный выгодоприобретатель, а *пользователь*. Феноменологический характер пользы обнаруживается в векторе «для кого-чего»; ср.: выгодный *кому* (vs полезный *для кого-чего*).

В ходе поведения осуществляется недискурсивное *познание* реальности. Здесь ошибки сменяются заблуждениями, а действия (в том числе и речевые) – поступками. Такое познание, эволюционируя вглубь и вширь, реализуется поступательно («шаг за шагом») и лишено логически обоснованной последовательности. Насущные вопросы здесь решаются *по ходу* их поступления. Феноменология отмечает нетождественность существующего в форме понятий *знания* и *познания*. «Понимание – это законченное прошедшее время, предполагающее, что нечто понято, т. е. тем самым вопрос закрыт. Те, кто нам близок, всегда являют собой для нас открытый вопрос, они не постигнуты (не разгаданы) нами. <...> Любовь – это познание, но не понимание, именно потому, что мы неосознанно остерегаемся связанного с пониманием прошедшего времени» [4, с. 65]. Познание – неотраженный опыт непосредственного знакомства с реальностью.

Поведение не имеет отношения к образованности – качеству личности, определяемому как способность действовать, руководствуясь существующими социальными нормами и духовными ценностями. В свете поведения говорится о *грамотности*. В идеале каждый пользователь обязан *грамотно* обходиться со всем, что находится в его ведении, и *грамотно*

вести себя в разных ситуациях: *Надо сказать, умение чрезвычайно сложное, и не каждый взрослый, умудренный опытом человек способен грамотно вести себя в конфликтной ситуации* (Е. Емельянова. Психологические проблемы современных подростков и их решение).

Феномен (не)грамотности детерминирован интуитивным табуирующим чувством угадывания и предвосхищения, не разрешающим что-то перепутать. В быденном языке неграмотность осознается в словах «не то» и «не так»: *Я всегда очень волнуюсь, когда иду в аптеку с рецептом от врача, потому что боюсь, что аптекарь прочитает что-то не так и продаст мне что-то не то, а я съем что-то не то, и мне станет как-то не так* (Календарь 2021. Витамин смеха).

Поведение не связано с существующими институтами и обнаруживается в *обществе* – базовом устройстве человеческой жизни. Понятие института как формы организация действительности в поведении уступает место феномену *инстанции*. Общество – инстанция, уполномоченная решать и «давать зеленый свет» всему, что не происходит по результату, но эволюционирует (проходит). Общественное признание и мнение оказывается решающим для легитимации всего присутствующего и проходящего.

Государственным институтам правопорядка противопоставляются гражданские «державные» инстанции власти. Команда «Держать строй!», как и призыв «Держись!», оказывается решающим условием поведения в противовес устойчивости – качеству любой институциональной структуры. Поведение описывается по тому, как кто-то «себя держит» в присутствии другого (-их) или «держится» сам. Доминирующая черта характера – выдержка (*выдержанный характер*).

Общественный строй не предполагает структурированной категоризации и концептуализации, однако в нем в полную силу обнаруживается характерная для общества иерархия и стратификация (расслоение). Очевидно, например, что призыв «уступать в общественном транспорте места инвалидам, людям пожилого возраста, беременным женщинам и пассажирам с детьми» касается социальных страт и не распространяется на существующие категории специалистов из той или иной сферы деятельности (хирург, слесарь, лесник, продавец и т. п.). Базовая фигура общества – человек, а не личность как субъект деятельности и производственных отношений.

Общество отличается от коллектива. Критерием общественности выступает параметр нахождения «с кем» – в обществе *другого* (например, в обществе женщины). Поведение осуществляется в зоне совместного опыта: *С кем поведешься, от того и наберешься* (Посл.); *Она вела себя с ним, как старая, строгая учительница, даже спрятала за спину руки* (О. Клюкина. Весенняя песня Сапфо); *Хотя бы он не начал приставать,*

она просто не знала, как повести себя с ним (В. Быков. Пойти и не вернуться).

Общественное устройство (строй) не может не быть *конвергентным* (от лат. *convergo* ‘сближаю’). Конвергенция-дивергенция как схождение и расхождение не имеют отношения к интеграции (соединению, слиянию) и дифференциации (разделению). Замечаемая дивергентная разница не тождественна дифференциации – видимому различию. Различие *существует*, а разница *есть*. В прецедентной ситуации «не сошлись характером» говорится о несовпадении. Совпадает одинаковое, соответствует равное. Сходятся и достигают консенсуса во *мнениях*. Момент соответствия проявляется в знаниях.

В общественной поведенческой модели «с кем» никто актуально не выделяется, однако в ней обнаруживается аспект доминирования (лидерства) – кто ведет. В конвергентной схожести важно также, кто на кого похож и чей опыт перенимается: – *Вы, как Якубович, ходите в баню. – Нет, это он как я* (шутл.). Без фигуры ведущего (старшего, тамады, конференсье и др.) не обходится ни одно общественное мероприятие (вечера, встречи, концерты и т. п.). Однако находиться в ведении (в послушании) кого-либо не значит быть в его подчинении. Ведущий не является главным. Оказаться в авангарде, стать передовиком или командиром не означает быть первым – отличным от остальных (ср.: *первый ученик в классе*). В поведении акцентируется смысл «важно» (*важно не перепутать, важно отметить, важно найти, важно осознавать* и др.). Все важное феноменально, т. к. не существует само по себе: важно – для кого-чего важно.

Коллективному «мы» свойственно устойчивое в изменениях объединяющее *единство* (например, *единство целей, единство идей, единство представлений* и т. п.). Диалектическое единство допускает различные явления, предметы и т. п. (ср.: закон единства и борьбы противоположностей; единство формы и содержания). Однако объединиться не значит *сойтись*; объединять – не то, что *сводить*. В коллективы собираются, преследуя определенные цели. Сборные единства обозначаются собирательными числительными; *мы* – нас *двое, трое, четверо* и т. д. Собрание как институциональный орган имеет право выносить постановления, утверждать, провозглашать и т. д.

В общества не собираются, но сходятся (съезжаются, слетаются) чтобы о чем-то договориться, принять решение (ср.: *собрание*, однако: *сходка, съезд, слет*). В обществе не «двое», а *вдвоем – втроем, вчетвером* и т. д. По сути, общество имперсонально. Личное «я» и коллективное «мы» здесь уступают место аутентично-уединенному «сам» и публично-почтенному «другому». Человек сам как-то себя ведет, или же его ведут другие. Коллективные установки и правила сменяются принятыми стандартами

типа «как водится», «как повелось», «как принято»: «У нас говорят...» – у нас *принято* говорить. Критерий «принято-не принято» распространяется на поведение, но им не руководствуются в деятельности. Единству коллектива противопоставляется сплоченность общества. Из того, что нечто одно (*одна плоть*), не следует, что составляющие его едины (ср.: *приблизиться, подойти вплотную*).

В общественном «с кем» реализуется принцип *дуальности* (парности) и смысл подхождности (*подходящая пара; Два сапога – пара; Мы с Тамарой ходим парой* и др.). Вопрос «Пара или не пара?» – вопрос целостности. В отличие от коллектива, в конвергентной паре отсутствуют отношения членства и партитивности (лат. *parts* ‘часть’). В глобальном смысле пара – симбиоз *одного неделимого целого*. Составляющие пары не связаны между собой, а сцеплены без «между» как звенья одной цепи, к которой по агглютинативному принципу до бесконечности «цепляются» другие звенья. Каждое звено не причастно к цепи, однако само неотъемлемо составляет цепь. В паре – *напарники*, а не *партнеры*, т. е. равноправные участники деятельности. Категория права (закона) здесь сменяется феноменом *конвенции* – оговоренных или общепринятых стандартов. Напарники ведут себя так, как заранее условились (договорились).

Непричастность означает неучастие. В поведении человек не может быть назван участником, т. к. поведение не является деятельностью. Это статичное или динамичное состояние, в котором человек непрерывно находится (присутствует). Поведенческий поступок, как и поведение в целом, не причастны к жизни, а *сама жизнь*: бел. *наводзіцца* ‘жыцца; складвацца (пра ўмовы жыцця, працы і пад.)’. *Букрэй разгаварыўся з Панасам, распытваў яго, як наводзілася ў палякаў, што ён чуў там і бачыў* (Я. Колас); – *Ну як вам наводзіцца?* (К. Чорны). Жизнь не делают, а «ведут»: *Богач – я почти веду аскетическую жизнь* (А. Писемский. Тысяча душ); *В ожидании коронации граф вел рассеянную, веселую жизнь* (Н. Гейнце. Людоедка).

В поведении человек не задействован, а занят сам – наедине с собой – или с кем-либо другим (и): *заниматься музыкой, спортом, ходьбой, литературой; заниматься со студентами*. Звучит парадоксально, однако занятый человек ничего не делает; занятие – не дело, которое «надо делать». Так, ничего не делает человек, занятый размышлением. Грамматически правильный вопрос «что делать?», связанный с выбором и активным проявлением, не подходит к проходящему, само себя обнаруживаемому состоянию: *думать* – что делать или находиться в состоянии задумчивости? *расти* – что делать или находиться в состоянии роста? Если жизнь и смерть – состояния, то вопросы-ответы «что делает? – живет», «что сделал? – умер» некорректны. Любая деятельность имеет причину –

причиняется. Для поведения нужен повод (зацепка). Поведение – занятие, критерием которого выступает успешность, а не ожидаемый результат.

Лингвоэтология проливает свет на феномен *(не)вербального поведения* человека, противопоставляя его речевой деятельности: *и бровью не ведет кто-нибудь* (не выражает ни малейшего удивления, остается равнодушен; разг.). Глагол *говорить* поведенческий; дело (vs слово). В вербальном поведении неизменно присутствует параметр «с кем»: *По возвращении в вагон гвардейцы подсаживаются уже ближе к юной путешественнице и ведут с ней оживленную беседу* (Н. Гейнце. От Москвы до Петербурга).

Не будучи причастным к жизни, говорение выступает ее обнаружением. Слово по умолчанию – *живое слово*. Нельзя какое-то время жить, а потом говорить. Непричастность говорит о невиновности. *Nomo dicens* (человек говорящий) не несет ответственности и вины за свои слова-поступки, однако за их отвечает перед инстанцией Другого. Глаголом *отвечать* отмечается не соответствие, а совпадение (*отвечать запросам публики, отвечать вкусам*). Отсутствие вины предполагает также отсутствие наказания. По сути, за поведение человек не должен быть наказан. На него накладывается взыскание в пользу кого-чего, или же к нему применяются принятые в обществе санкции.

Поведение не является данностью культуры как совокупности материальных и духовных ценностей и специфического способа деятельности, направленного на потребление и сохранение. В контексте поведения говорится о цивилизованности: *Все прошло цивилизованно, они вели себя как полагается взрослым людям, хотя на деле взрослые люди редко себя так ведут* (Дж. Райдер. Не ищи меня). *Оказывается, председатель умел вести себя цивилизованно* (Н. Мар. Железный Аспид). *У эльфов рабства как бы нет, да и ведут они себя более или менее цивилизованно, но они прекрасно разбираются в том, что им выгодно, а что нет* (М. Слесаренко. Мастер меча).

Цивилизованность – доминирующая характеристика общения: *Может, мы можем поговорить цивилизованно?* (В. Степанов. Не быть волшебником); *Сейчас они пытаются цивилизованно договориться с нами – местной администрацией и с вами, проводниками* (А. Сороковик. Идущие через Сельву); *Современный специалист не сделает карьеру без умений и навыков, позволяющих людям цивилизованно выстраивать общение в любой сфере* (В. Сперанский. Общая конфликтология).

Нецивилизованное поведение – варварство: *Софья. Неужели он с вами столько варварски поступал, что вы от него уже и терпели на это похожее?* (Д. Фонвизин. Бригадир). Противопоставляя культуру и цивилизацию, мы тем самым признаем антиномию культурной речевой деятель-

ности и цивилизованного вербального поведения. Лингвоэтология в этом случае составляет антитезу лингвокультурологии.

Список использованной литературы

1. Schutz, A. Strukturen der Lebenswelt / A. Schutz, T. Luckmann. – Neuwied : H. Luchterhand, 1975. – Bd. 1. – 345 s.
2. Капкан, М. В. Культура повседневности : учеб. пособие / М. В. Капкан. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 110 с.
3. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Работы 20-х годов / М. М. Бахтин. – Киев, 1994. – С. 234–258.
4. Анчел, Е. Этнос и история : пер. с венг. / Е. Анчел ; предисл. М. А. Хевеши. – М. : Мысль, 1988. – 128 с.

Е. Н. СИМОНЮК

Брест, ГУО «УПК детский сад – начальная школа № 5 г. Бреста»

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УРОКОВ И ПУТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Воспитание является одной из важнейших составляющих образовательного процесса наряду с обучением. Дополняя друг друга, обучение и воспитание служат единой цели – целостному развитию личности школьника. Классные часы и внеклассные мероприятия составляют совсем небольшую часть времени общения ребенка с педагогом. Воспитательная работа должна проводиться главным образом на уроке, а не после него. Урок обладает уникальными возможностями влиять на становление очень многих качеств личности учащихся. Ни один из уроков ни в коем случае не должен отрываться от жизни ребенка, его личностного опыта, который школьник смог перенести в своей душе, окружающей его действительности.

Содержание учебного материала – мощный инструмент воздействия на структуру личности ребенка. Но внести позитивные изменения в эту структуру сможет только тот педагог, который сам прекрасно освоил этот инструмент и понимает его воспитательные возможности. Талант педагога – в тонком чувствовании возможностей своего предмета в формировании моральных, интеллектуальных, волевых, эмоциональных качеств личности.

Воспитательный потенциал урока включает в себя следующие группы возможностей:

1. Воспитательные возможности организации урока (возможности для воспитания школьников, имеющиеся независимо от учебного предмета и темы конкретного урока). Организационно-мотивационный этап – это очень важный этап, т. к. на этом этапе происходит влияние на потребностно-мотивационную сферу, и успех урока чаще всего зависит от умелой орга-